

Позднее взросление как тревожный симптом

«Отечественные записки»: *Установлено, что человек становится взрослым не раньше двадцати пяти лет. Оттого ли люди позже стали взрослеть, что возраст смерти сдвинулся, теперь ведь умирают не в 30 лет, а много позже, — или по каким-то другим причинам?*

Татьяна Черниговская: Общеизвестно, что разные зоны мозга взрослеют *не одновременно*. Самыми ценными для нас, людей, являются передние, лобные, доли. Передняя часть коры «взрослеет» дольше всего, она продолжает развиваться до 21—22 лет. В справочниках можно увидеть разные цифры: 18 лет, 19 лет — это не принципиально. Важно, что созревание здесь происходит в районе 20 лет, в то время как другие отделы мозга созревают гораздо раньше. Что это за передние отделы? Они — то, что делает нас людьми. *Humans* — это те, у кого хорошо развиты лобные доли. За что отвечают эти доли? За самоконтроль, планирование действий, мотивы поведения, короче говоря — за функции высокого ранга.

— За когнитивные функции?

— Да, за память, речь, внимание... Когда в результате старения лобные доли становятся не очень хороши (у пожилых людей они начинают «скисать»), в чем это выражается? Не в том, что эти люди не знают, как разговаривать, а в том, что их поведение становится неадекватным и, зачастую, неконтролируемым. Они говорят и действуют по принципу «что вижу, о том пою». То есть не могут спланировать свое поведение и свою речь. Скажем, вы просите их рассказать про дуб, а они по пути к этому дубу — или уже пройдя тему этого дуба — рассказывают тысячи разных историй, которые порождаются тем, на что они в данный момент смотрят, или тем, что возникло в их ментальном пространстве — тем, что они в этот момент вспомнили. Они не в состоянии построить программу поведения. Прежде всего речевого, но не только. Человек идет чайник ставить, а по пути видит: телевизор включен в одной из комнат, садится и остается там, забыв про этот чайник. Дело даже не в том, что память сдает, а сдает *контроль над поведением*.

Вам может показаться, что я отклонилась от предмета, но это не так: я издали подхожу. Все знают, что пожилые мужчины нередко — примеров сколько угодно — начинают всерьез ухаживать за барышнями; не потому, что у них «бес в ребро», а потому что контроль потеряли и не видят своего реального положения. Они верят, что молоденькие хорошенькие девушки могут испытывать к ним *искренний* интерес, а не рассчитывать в скором времени получить наследство. Вспомните «Смерть в Венеции» — там немного другой сюжет, но та же неадекватность поведения. Пожилые женщины, в свою очередь, начинают употреблять яркую косметику, щеголять какими-то сумочками, бантиками, вилять бедрами — короче говоря, демонстрируют *неадекватность самооценки и неспособность построить правильное поведение*. Отсутствие таких — как бы лучше сказать... — неприятностей как раз и является *показателем зрелости*. Подростки себя не контролируют, поэтому для них характерно импульсивное поведение, с необъяснимыми выплесками. Их даже нельзя в этом обвинять (о чем есть большая научная литература), потому что здесь налицо рассогласование созревающего тела, гормонального напора — и уже полученной некоторой свободы. Они не могут справиться с собственным телом и не контролируют себя, потому что лобные доли не дозрели, они не могут выполнять свои функции.

— А если у какого-то подростка нет периода неконтролируемости, если все проходит более или менее гладко — это хорошо или плохо?

— Я думаю, что такого не бывает. Подросток может быть задавлен воспитанием, может сидеть смиренхонько, «по-викториански», положив руки на колени, но это не значит, что внутри бури нет. Помните, были такие кастрюли-скороварки, в них еще самогон гнали. Там была дырочка, из которой пар выходил. Если эта дырочка закупоривается, кастрюля взрывается, причем вместе с домом. Хорошая метафора для того, о чем мы говорим. Если подросток находится в ситуации очень жесткого контроля, без возможности какого бы то ни было выплеска, это плохо кончится. Как минимум неврозом, а то и психозом. Он, я повторяю, не виноват ни в чем. Его бурлящая психика *должна иметь выход*.

Теперь вернемся к нашим баранам. Есть точка зрения, согласно которой возраст взросления отодвигается. Данные, которые получили на этот счет англичане и еще кое-кто — что в самом деле не дозревают к ожидаемому сроку эти области, — меня не убеждают. Почему? Нет достаточного объема надежной информации. Массового *брейн-имиджинга*. Нет таких данных и не будет. Кто просто так полезет в томограф? Зачем? Во-первых, очень дорого. Во-вторых, незачем. Я не сомневаюсь в том, что они правду говорят, но здесь вопрос: а) статистики, б) трактовок. Из того, что эти зоны «какого-то не такого» объема, можно сделать только тот вывод, что они «какого-то не такого» объема. Более серьезные выводы, тем более эсхатологические, я бы не стала делать. Есть работы, из которых следует, что у наших биологических предков, скажем у неандертальцев, мозг был больше, чем у нас. Это правда. Есть работы, из которых следует, что за последние 20 тысяч лет человечество потеряло в объеме мозга немало, примерно теннисный мячик потеряло. Даже в англоязычной литературе читаем: *shrinking brain*. И сразу идут безумные комментарии: мы становимся глупее, и перспективы у нас тоже соответствующие... Это неправильный вывод. Может, мы и становимся глупее, но убедительных доказательств нет. Из того, что мозг стал меньше — даже если это так, хотя я повторяю: здесь не может быть статистики, ни старой, ни новой, — этого не следует. Сколько они обследовали людей? Тысячу? Нет, даже не тысячу, а максимум несколько сотен. И в очень разных местах. А это значит — разная генетика, разные этносы. То есть *разные субгруппы*. Даже если, повторяю, мы будем считать, что полученные сведения заслуживают доверия, то выводы могут быть разными. Может быть, *shrinking brain* означает, что мы становимся глупее. Но возможен и противоположный вывод: дело не в объеме, а в сложности нейронной сети. Может быть, Господь решил подправить дело и сжать мозг для более оптимальной организации нейронных связей. Конечно, вы вправе меня спросить: «Чем вы можете это доказать?». Ничем. Но и сторонники другого мнения ничем его доказать не могут... Кстати, одомашненные животные имеют меньший объем мозга по сравнению с дикими. Если эту закономерность экстраполировать на *homo*, то можно сделать интересные выводы... Сейчас все говорят, что мы испытываем страшный стресс, мы находимся под воздействием невероятных информационных потоков, а попробуйте оказаться голым в джунглях...

— **Стресс будет не меньшим, вероятно.**

— Ни еды, ничего вообще нет. Тысяча опасностей. Кто сказал, что этот стресс меньше, чем наш? Когда вы сидите на диване, читаете книжки, нажмете одну кнопку — включается стиральная машина, другую — микроволновка, и так далее — для чего тут мозги? Мозги тут абсолютно не нужны. Вернемся к животным. Зачем этим *domesticated pets* мозг? У них нет конкурентов, вокруг носятся пять человек, которые только и думают, какую бы им подсунуть пищу повкуснее... У них нет никакой цели, ради которой они должны были бы свой мозг использовать, в то время как в дикой природе — нон-стоп добыча пищи, оборона и страшная конкуренция. Поэтому когда сейчас говорят о том, что люди не взрослеют до такого-то возраста из-за уменьшения объема мозга, требуются, я бы сказала, очень серьезные доказательства. Можно ли доказать, что никто ничего не соображает и ни за что не отвечает, что все стали какими-то уродами и вообще слабоумными из-за того, что пошла эволюция не туда и что у них мозг маленький? Очень трудно. Здесь может быть обратная зависимость. Понимаете, если читать все время журнал «Лиза», а не шумерские рукописи, то будет такой мозг. Сейчас очень модной — не в плохом смысле слова — темой стал эпигенез:

влияние того, чем занимаешься, на гены. Это влияние распространяется на поколения. Жизнь теперь не требует больших усилий... То, о чем я говорю, относится даже к людям, которые находятся в очень конкурентной среде — в бизнесе или где-то еще, — к людям, интенсивно работающим. У меня есть друзья-академики — им лет тринадцать в психологическом смысле. Что не отменяет их высокого научного и интеллектуального уровня, мощной душевной и духовной жизни и т. д.

— Тут есть еще одна тема, которая не сводится к каким-то физиологическим показателям. Речь идет о социально-психологическом эффекте чрезмерного комфорта, чересчур высокого уровня жизни. Детям теперь не нужно писать, за них думает компьютер, у них упала грамотность. Не надо запоминать — все можно найти.

— Я не хочу говорить банальности о том, что мы все недовольны системой образования. Тем не менее во всем мире, за исключением абсолютно элитарных заведений, которых всегда мало, система образования — это, по большому счету, фабрика, где обучают минимальному набору навыков, как правило прагматических. Как заполнить бланк, куда и когда позвонить, как разобраться с налогами и т. п. — задачи сформировать мало-мальски цивилизованную личность не ставят. Всеми владеет какой-то непонятный экзальтированный восторг в отношении новых технологий: «Ой, уже не надо считать!». Хорошо, что не надо считать, я сама очень плохо считаю, и мне очень нравится, когда считает калькулятор. Но речь же не об этом идет. Речь о том, что математика формирует мозги. Когда дети читают дайджесты, в которых написано, кто кого убил в «Преступлении и наказании», — это даже не профанация. Я не то чтобы сноб (хотя я сноб), но я против обмана. Потому что они подсовывают этому ребенку вообще другую вещь. Она только называется «Достоевский». Конечно, можно пересказать на пяти страницах всего Шекспира. Но с какой целью?

— Это таблетка со вкусом земляники.

— Да. Поэтому, конечно, подростки очень инфантильны. У них не сформированы духовные ценности, потому что им не на чем сформироваться. У них нет потребности думать над тем (извините за пафос), зачем я живу, кто я такой. Непонятно, ради чего у них должна была бы эта нейронная сеть работать. Ей незачем работать. Потому что они имеют интеллектуальную жвачку. И весь мир такой же, и они живут в этом мире. Хотя формально мы в одном и том же пространстве, но реально — в разных.

— А не возникает у Вас впечатления, что армия современных психологов стремится всячески уменьшить дезадаптацию, и от этого возникает нечто вроде гипер-адаптации. Все схвачено, везде все удобно, но именно это делает человека и социально, и психологически плохо приспособленным...

— Согласна. Более того, поскольку многие сидят в чатах, в сетях, короче говоря, общаются виртуально, они фактически не имеют опыта реального общения. В Сети ты можешь быть под другим именем, ты можешь его поменять и исчезнуть, стать другой личностью — и ты вообще ни за что не отвечаешь. Компьютерные игры (я, кстати, ни разу в жизни не играла ни в одну компьютерную игру) абсолютно разрушительны. Потому что там нет смерти, и соответственно перевернуты все ориентиры. Ты убил

противника, выключил компьютер, включил — и он опять живой. Вы можете мне сказать: современные игры более совершенны. Но я говорю про общую линию. Если они будут усовершенствоваться и дальше, эти компьютерные игры, — нам совсем крышка. Потому что тогда они станут вообще подобными миру, и способа различить, где ты находишься — в реальном мире или в виртуальном, — вообще не будет. Интерактивное поведение, скафандры специальные, воспроизведение тактильных эффектов — все это уже давным-давно есть, слух-зрение есть, остался запах, который вот-вот будет, это нетрудно сделать. И что? Это же путь в сумасшедший дом.

— Звучит апокалиптически.

— Не надо еще забывать, что у нас впереди (это к вопросу о зрелости и незрелости) switch, по сравнению с которым позднее взросление — это шутки. А именно: чип в голову. Это реальность, это не фантазии. Чип, который увеличивает вашу память, в несколько раз увеличивает скорость мышления. Встает вопрос о самоидентичности. Вы *до чипа* и Вы *после чипа* — это одно и то же? Искусственный интеллект наступает. Перво-наперво, я не понимаю, зачем он нужен. Хорошо, если он просто слуга, который вместо нас просчитывает гигантские базы данных, чтобы правильно погоду предсказать, тут я не против. Но говорят другое: *человека повторим в硅коне*. А это значит: повторим его эмоциональную жизнь. У искусственной этой штуковины будут собственные цели, мотивы, планы. И мы можем не входить в эти планы. Я повторяю: это не Лем, это серьезно. Это серьезно и опасно. Наши надежды заключаются в том, что человек, к счастью, — это не только такой компьютер. В нем есть очень большие сферы, которые в *digital world* пока не укладываются. Гештальтное восприятие, все искусство, творчество, наука, которая не только счетом занимается, — этого компьютеры не могут делать. Пока это все наше, у нас есть шансы. Но если люди додумаются, как вложить в этого нового Франкенштейна не только дигитальную, цифровую компоненту, а и все остальное, — закрываем лавку.

— Поскольку над этим думают сейчас писатели-фантасты, а как известно, все, что придумали фантасты, начинают придумывать инженеры, я полагаю, рано или поздно они что-нибудь придумают.

— Это, к сожалению, так.

— Тогда я сейчас сформулирую ужасный вывод, а Вы его прокомментируете. Я вижу ситуацию так. Все, если говорить об истории человечества в целом, может кончиться плохо, и вот это позднее взросление мы должны рассматривать как некий симптом приближения к такому исходу. Симптом в том, что сейчас эта гиперадаптация, или отстранение человека от проблем, стала нарастать.

— Да, это симптом, и я считаю, что мы движемся в очень опасную сторону, но и некий челлендж здесь есть. Говорю не затем, чтобы закончить на оптимистической ноте, а не на апокалиптической, но именно сейчас наша ответственность как пока еще высшего биологического вида на этой планете очень велика. Мы должны напрячься — и все-таки повзрослеть пораньше, а не накануне смертного часа. Потому что дальнейшее будет зависеть от того, как мы будем себя вести. Например, можно дать себе по рукам и прекратить играть в компьютерные игры. Или в генетические игры. Генетика очень мощна, она вызывает у меня просто восторг, но одновременно вызывает и ужас. Пусть клонирование решительно запрещено — но удалось ли хоть что-нибудь запретить в истории человечества? Запретить *нельзя*. Всегда найдется миллиардер, который купит остров, купит ученых, купит все что нужно для этих ученых и перешагнет через запреты...

— Люди подсажены на исследования, у них это вызывает эйфорию.

— Если отвлечься от клонирования, понятно, что самая секретная из секретных информации — это информация о геноме. Недавно моим коллегам, профессорам-биологам из Стенфордского университета, подарили к Рождеству их расшифрованные геномы. Это такая коробочка размером примерно с компьютерный диск — черная коробочка с шифрами. Я уверена, что так или иначе будут вламываться в эти геномы, и начнется то, о чем уже пишут. Пока это просто жареный сюжет, но я не вижу причин для несерьезного отношения к этому. Скажем, вы идете страховать свое здоровье. А вам говорят: зачем страховать — вам осталось жить полтора года. Страховать не будем. Понятно, что я играю сейчас и специально ерничаю. Но не вижу причин, почему бы такое не стало происходить. Понятно, что с помощью той же отвертки будут делаться и замечательные вещи. Например, в геноме Пети Н. есть потенциальная опасность болезни Альцгеймера. Подкрутим эту штучку, чтобы не было Альцгеймера. Роскошная вещь. Но вот беда: одновременно можно и другие штучки подкрутить при желании. Дети по заказу — это же не шутки. Чтобы ноги были полтора метра, глаза васильковые, IQ — 250, талия 30 сантиметров...

— А существуют ли какие-то тактики, которые позволили бы это как-то скорректировать? Взять то же взросление. Мы согласились в том, что это вещь симптоматическая — значит, она практически неизбежна и развернуть назад эту всю эволюцию невозможно?

— Биологически нельзя развернуть эволюцию назад, но ответственное поведение тех, кто учит, тех, кто учится, и тех, кто принимает решения, потенциально может направить ход событий в правильное русло.

— Это уже оптимистическая нотка.

— Наши гены — это потенция. Конечно, это очень много. Против лома нет приема. Если плохие гены, то ничего не попишешь. Но если гены хорошие, их все равно недостаточно. Положим, вы получили в наследство Stainway. Для того чтобы играть на нем, нужно научиться. Если вы ведете другую жизнь, то полученные вами от дедушек и бабушек хорошие гены не сыграют. Более того, они загнутся. Что же делать сейчас? Прекратить играть в игрушки с крестиками и ноликами — я имею в виду тесты. Увеличить объем гуманитарного образования, и очень резко. Учить людей «бессмысленным» вещам. Например, шумерской поэзии. Это нужно, я бы сказала совсем грубо и почти пошло, для того, чтобы формировать наши мозги. Вот пункт первый. Пункт второй: мы должны осознать свою ответственность за цивилизацию этой планеты. Если не осознаем, тогда можно заканчивать, лавку закрыть.

Есть и еще одна опасная вещь, о которой я тоже все время говорю. Появилась мода: «It's not me, it's my brain». В судах в Соединенных Штатах. Преступник говорит: «У меня мозг преступника. Разве я виноват, что с таким мозгом родился? К нему и претензии». Понимаете? Это *перенос личной ответственности на биологическую*

ткань. Жуткое дело. Если мы в самом деле уверимся в том, что все заложено, то конец всему, и цивилизация наша — это просто цирк зверей. Поэтому закончить, несмотря на все франкенштейновские ужасы, хочу все-таки не без положительной ноты: раз сейчас настало время — а на это указывают разные симптомы, — когда мы вступили на опасную дорожку, то и наша ответственность за свое поведение должна быть гораздо более серьезной. Внутренние решения должны быть серьезными.

— *Согласен. Переходя на уровень социальной организации, хочу обсудить еще один вопрос. Отдельно взятый человек слишком слаб, чтобы принимать такие решения. С другой стороны, они неосуществимы на уровне государственном. Должно быть какое-то горизонтальное общественное движение, способствующее повышению этой внутренней ответственности. Какая-то самоорганизация общества...*

— Когда я стала общаться с людьми, принимающими серьезные решения, я получила неожиданный опыт. Там, конечно, есть и не слишком компетентные специалисты, но по большей части, когда начинаешь общаться с ними напрямую, оказывается, что они умны, образованны, хотят добра. Это меня озадачило. Если бы это были какие-то монстры, то история была бы простой и понятной. Так что, может быть, вы в этом смысле правы и что-то должно с самим социумом произойти. Почему происходит так, что доктора наук, профессора, серьезные люди хотят сделать что-то хорошее и ничего не могут? Помните, когда вводили ЕГЭ, мотив звучал так: в каждой деревне ставят свои оценки; чем выше рангом школа, тем ниже оценка; за что в математической школе в Москве или в нашей классической гимназии детям поставят «три», то во всех других местах будет награждено «пятеркой с плюсом». Так введем, как во всех приличных странах, единый государственный экзамен — чтобы было понятно, что такое «четыре». Трудно спорить с такими аргументами. А вышло что? Учителя решают задачи за учеников, массовое списывание, коррупция, которая перекинулась, кстати, и на районные поликлиники, где выдают справки, что у ребенка не все в порядке и надо ему дать «другую шкалу». А ведь сам по себе шаг был разумный.

— *Да, логичный, рациональный.*

— И кое-что он принес. У нас резко расширился охват других регионов России. С Дальнего Востока не каждый поедет сдавать экзамен в Москву: очень дорого. Да и блат раньше был, на престижные места просто так не попадали. А теперь абитуриент сидит у себя дома, посылает свои результаты, а ему присылают открытку: «Вы приняты». То есть ситуация коррупционная на уровне приема в университет отсутствует. А расширение диапазона налицо. И это чистая правда.

— *По поводу ЕГЭ я бы сказал, что это движение в правильном направлении, но оно очень плохо учитывает специфику нашего социума. Надо ставить какие-то дополнительные барьеры.*

— Да, что-то в обществе происходит не то. Но кто, как не мы, должен с этим справиться? И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу, почему не работают, казалось бы, логичные механизмы — тестирования, стимулирования? Взрослеет человек не только позже, он взрослеет по-другому, у него сменились способы взросления, ему надо адаптироваться к информационной среде, а социальные навыки, с которыми мы связываем взросление по традиции, идут на третьем месте. Тот факт, что во многие сферы современный человек даже не погружается, ибо все уже решено и подготовлено за него, делают традиционное социальное взросление с ответственностью, социальными навыками и коммуникативностью прежде всего *слабой стратегией*. Человек *grosso modo* превращается в машину, срастается с ней, и его взросление становится не адаптацией к социальной реальности, а адаптацией к надстройке над ней — информационно-машинной среде.

Беседовал Алексей Муравьев